

В ПРОШЛУЮ пятницу с четвертой страницы «Московского комсомольца» молодой критик Светлана Еремينا, вежливо провозгласив, предложила молодому прозаику Виктору Лихоносову поставить свои художественные часы поточнее — по реальному, т. е. по «городскому» времени. Имелось в виду чрезмерное увлечение лихоносовских героев деревенским образом жизни: «...наивно в высшей степени было бы представлять себе деревенскую среду тем самым знаменателем, с помощью которого упрощается весь комплекс нравственных и идеологических проблем, стоящих перед современным человеком».

Итак, Лихоносов «наивен»? А вот известный кинокритик Н. Кладов писал в журнале «Искусство кино» по поводу известного фильма В. Шукшина «Ваш сын и брат» следующее: «Река Катунь прекрасна. Но и Катунь движется. Она будет служить людям не только как деталь пейзажа. Переделывая природу, человек переделывает себя. Свою природу. Тривиальная истина! Почему же ее забыл Шукшин?».

Итак, Шукшин «забывчив»? А не упрощают ли уважаемые критики не менее уважаемых прозаиков и не кажутся ли им более реальными их собственные литературные мечтания, чем сама жизнь?

Поговорим, например, о времени. Какое оно сейчас: «городское» или «деревенское»? Взгляните на литературную Катунь, которая действительно прекрасна и которая действительно движется; ведь деревенская тема уже много лет стала стержнем этой Катунь! Что может «городская» тема противопоставить деревенским очеркам-дневникам, рассказам, хроникам, повестям, романам, кинооперам? Очень, к сожалению, немногое. Да ведь и лучшие имена нашей литературы и искусства связаны с темой деревни! Перечислять их просто нет нужды. Так какое же, выходит, время сейчас для литературы реальное: «городское»? Нет! На «часах деревянных» литературы и искусства уже лет 15 тому назад пробил «деревенский час» — а критики, иногда даже и молодые, все еще отрицают эту реальнейшую реальность! Все еще ссылаются на часы, остановившиеся при царе Горохе. Все еще заслоняются от двинувшейся Катунь типовыми фиговыми листочками с грозными надписями «Не купаться — наивно!» или «Не загорать — безграмотно!».

Все еще рассказывают непросвещенным писателям-деревенщикам, что трактора изгибаются в городе, а в деревне происходят изменения и т. д. А зачем? Все это общезвестно! Не ясно, как всегда, нечто новое: откуда такое преобладание «деревенских» произведений в литературе и искусстве? Преобладание, которое в творчестве Василия Шукшина впервые, а позже и в творчестве некоторых других молодых художников было сознательно переосмыслено как превосходство!

ОТКУДА появился Василий Шукшин, если говорить не о географии, но об истории?

В свое время думали, будто вся соль прогресса — в больших городах, в развитии этих центров культуры. Но вот пришло время, мы опомнились, осознали, спохватились, что уж чересчур оторвались от природы в этих самых «больших культурных центрах», что культура — это хорошо, но природа — первооснова. Кажется, совсем недавно шедевры искусства, возникали на основе концепции «город помогает деревне», а теперь уже толкуют о том, что, мол, не мешало бы городу обратиться к де-

ревне за помощью, потому что, мол, хлеб — имя существительное, а все остальное к нему прилагается.

И от этой вот реальной близости деревни, ее жителей к природе, к хлебу возник и претворился в образы искусства миф о нравственном превосходстве деревенских над городскими, деревни над городом.

Таков источник новеллистического творчества Василия Шукшина. Та «волна», на которой он поднялся.

Слишком просто?! Да, но ведь речь идет о проблеме человеческого счастья с точки зрения художника, для которого важнее всего интуиция и здравый смысл. В системе Шукшина новеллиста философия отменяется с порога, все решает присущий человеку органический, естественный для него порыв. Отсюда и сильная эмоциональность, и четкое внутреннее средство шукшинских героев при великом изобилии весьма разнообразных, резко индивидуализированных персонажей. «Масок» — много, а лицо — одно.

Герои действительно разные, но сущностное сцепление их с жизнью всегда одно и то же, поэтому-то одного героя можно заменить другим из другой новеллы, выстроив новеллы в затылок друг другу, — и сценарий для фильма готов! Так появились киноленты «Есть такой парень» и «Ваш сын и брат».

НРАВСТВЕННУЮ позицию Шукшина отличает ясная уверенность в своей правоте, он не нуждается в развернутой аргументации,

телеге — «красивая разведенная крестьянка и вокруг — несказанная по красоте природа». «Благодать!» — восклицает художник, раскидывает руки, оглядывается и спрашивает у женщины:

— А? Как ты живешь вот в этом раю?!

И ему хочется вкусить этого рая. Сейчас же! Немедленно. Ведь все — рядом! Все — под рукой.

Разумеется, он получил по рукам. Ситуация «обратна» предыдущей, но Шукшину неважно, деревенский ли парень оказывается в городе или горожанин в деревне. Нравственное соотношение всегда не в пользу горожанина.

В том-то и вся мысль и весь пафос творчества Шукшина: жители деревень едины с природой, отсюда их невольное превосходство над горожанами.

Исповедуя эту крайность, писатель убежден в том, что деревенское сущее и есть идеальное при всем своем несовершенстве. Шукшин все еще использует действительную почву для возведения райских шалашей.

ЭТОМУ способствует и невниманье Шукшина к «производственной стороне» деревенской жизни.

Когда-то Маркс определял свободное время, как время «для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил». Вот эту «свободную игру сил» Василий Шукшин и любит и умеет писать!

Генрих МИТИН

С ЧЕМ ПРИШЕЛ ШУКШИН?

ОТВЕТ КИНОКРИТИКУ Бор. ТРАЙНИНУ

поэтому его коренной художественной формой остается новелла (несмотря на появление романа «Любовники» и повести «Там, вдали»), и только по ним, по новеллам, можно судить сегодняшнего Шукшина как художника, а не как профессионала, разрешающего себе писать и новеллы, и романы.

Его новеллы — вроде хейердаловского «плота», в каждой из них — по герою, человек на плоту — как на ладони, он виден весь и насквозь. Он — один, но все его — с ним.

Так в новелле «Ваня, ты как здесь?!» столкнулись кинорежиссер и Пронька Лагутин. Первый «пробует» второго на роль в эпизоде фильма о деревенском парне, который приезжает в город. Это, так сказать, «рамка», внешнее, а что же внутри, что на экране духа?

По сценарию деревенский парень и принимающие его городские знакомые «живут» на одном нравственном уровне. Горожанам не хочется принять парня на жительство, но они из вежливости хитрят. Парень видит их нежелание, но ему надо остаться в городе, и он тоже хитрит. Таков сценарий, таковы его герои. Все вполне достоверно, все по реальной жизни.

Но как отнесется к этой ситуации деревенский парень Пронька? То бишь герой шукшинского мифа? На протяжении всего эпизода Пронька то тут, то там нарушает нравственное равновесие героев сценария, что написано с присущим Шукшину блеском и юмором. Пронька со своим прямым, честным, естественным характером все время оказывается выше горожан, и бедный режиссер понимает, что эдак у него получится совсем другой фильм. Не тот, который существует в сценарии, а тот, который программирует ему Пронька Лагутин.

Когда-то Гете так говорил Эккерману о городских и деревенских людях: «Наше общение друг с другом лишено настоящей любви и благожелательности. Каждый изыскан и вежлив, но никто не имеет мужества быть добродушным и правдивым, так что справедливый человек с естественными наклонностями и мыслями оказался бы среди нас в очень тяжелом положении».

Шукшинский «добродушный и правдивый», «справедливый человек с естественными наклонностями и мыслями» быстро нашел выход из создавшейся неприятной для него ситуации: он удалился. Домой, в деревню. Не мудрствуя лукаво, он хочет быть в той жизни, которой он принадлежит по воле Шукшина.

Вот, пожалуйста, другой рассказ Василия Шукшина — «Кукушкины слезки».

Художник-горожанин едет на телеге в деревню, ищет «натуру». А «натура» уже здесь, рядом, в той же

Его второй фильм «Ваш сын и брат» начинается чудесными пейзажами с Катунью-рекой, но открывается он, как гора в сказке, не случайной и немаловажной надписью во весь экран:

«ИТАК, БЫЛО ВОСКРЕСЕНЬЕ»

Этими значимыми словами «отпирается» и все творчество Шукшина — новеллиста и кинорежиссера. Ему нужна атмосфера свободы, чтобы его герои поступали, как им хочется, чтобы он сам мог лепить жизнь, как ему она видится.

И тут, конечно, нельзя не отвергнуть мнение Л. Аннинского, будто у Шукшина «всамделишная» жизнь, будто Шукшин «подсматривает» жизнь такой, как она есть, и т. п.

И неправ В. Камянов, утверждая, будто Шукшин «отлично живописует «неотредактированную» жизнь». Нет! Шукшин не зря выбирает воскресенье. Он не живописует, ни с кого портретов не делает и не отражает, как в зеркале.

Шукшин, используя материал, хорошо ему знакомый, свободно и как бы играючи создает свою особенную, шукшинскую жизнь, живущую по своим законам, истово исповедуемым прежде всего самим автором этой жизни, а потом уже и его героями.

И стоит хотя бы бегло сравнить эту жизнь с реальной, как сразу же обнаружится «расхождение». О чем и объявляется иногда критиками с наивной радостью. А между тем куда важнее не беспорочное наличие этих «расхождений», а столь же беспорочное умение Шукшина, «несмотря на «расхождение» с жизнью, создавать новую жизнь!

Особенно это удается ему в рассказах, хуже — в кинофильмах, что вполне понятно. Кинематограф для любого литературного произведения есть прежде всего испытание на правду. Экран как бы проявляет и подчеркивает все то условное, что было в экранизированном рассказе. Литература сама по себе значительно более условное искусство и допускает большую меру условности. В кино всякая не удостоверенная жизнью условность звучит, как фальшивая нота.

С ЧЕМ пришел Василий Шукшин в кинематограф? Л. Аннинский считает: с драмой. Н. Кладов оспаривает: нет, с комедией. Но вопрос не в жанре. Пусть «Живет такой парень» — комедия, пусть «Ваш сын и брат» — драма. Неважно. Важно другое. Василий Шукшин пришел не один, а с героем — новым, своим, обаятельным, чудаковатым, легко узнаваемым. Словом, Шукшин наконец-то дал нам еще одного популярного героя.

И не просто популярного, а еще и положительного, и молодого!

И тут, казалось, критика возрадуется. Ан нет.

Ролан Быков в статье «Ищу героя» (см. Московский комсомолец от 30 августа) вспоминает героя Бориса Чирнова («Трилогия о Максиме»), героя Николая Рыбникова («Весна на Заречной улице»), героев Алексея Баталова («Большая семья») и «Девять дней одного года»), но... героя Леонида Куравлева в его «обойме» — нет! И это не случайно. Соотношение сил между прежним и нынешним кино, по его мнению, явно не в пользу последнего: «...я с огромным огорчением чувствую, как наш кинематограф, который с первых своих шагов поражал масштабом социального и тематического содержания, сейчас снизил уровень идеологического насыщения своего искусства! Он часто шарается от сложных проблем и, повторяю, уходит от своего героя. Героя — властителя дум, героя — нравственного и социального идеала, героя — подлинного гражданина».

Пожалуй, с этой точки зрения героя Леонида Куравлева может показаться не столько героем, сколько примером «шарахания» от крупных проблем, от героя. Так и посчитал, например, критик Бор. Трайнин. В его статье «Что нам нужно?» («Московский комсомолец» от 6 сентября с. г.) шукшинский «такой парень» подвергнут критике именно за «мелкотравчатость». «Когда же для «такого парня» наступит время больших мечтаний, больших дел?» — вопрошает Бор. Трайнин.

Р. Быков подчеркивает, что избразить великого гражданина наших дней можно, только показав его великие дела, что молодежь нельзя воспитывать, «рассказывая побасенки-притчи о том, что если ты обещаешь вернуть зонтик, верни его».

Б. Трайнин как бы подхватил эти две мысли Р. Быкова. «Обыкновенные житейские добрые дела заслуживают доброго слова, но зачем с ними носиться как с писаной торбой!» — восклицает критик и ставит точку над «и»: «Странно видеть в современном фильме своеобразное преломление теории «малых дел», разоблаченной еще А. П. Чеховым. Мы живем большими делами, именно поэтому сама собой разумеется и элементарная житейская честность, и порядочность, и взаимопомощь, и уважительное отношение друг к другу».

Итак, «элементарное житейское» суть само собой разумеющееся, и фильмы об этом снимать нечего. Нам не нужны Пашки Колокольниковы, это — явные антигероны.

Стоп! А какой же герой нам нужен? Тот, которого нет? Ведь реальный герой немислим вне реальной жизни со всеми ее «элементарными» и «само собой разумеющимися»!

И тут мне хочется солидаризироваться не с Бор. Трайниным, а с Роланом Быковым. «Я размышлял над успехом фильма «Женщины», — пишет Р. Быков, — успехом зрительским и довольно широким. И я понял, что это один из немногих наших фильмов, в которых жизнь отражена конкретно. Кое-кто даже считает деньги, интересуется, почему пальто. А вообще-то в нашей кинематографии нет обычных жизненных конкретностей, как будто искусство способно решать социальные темы вне проблем быта, государства».

Как видите, одно и то же можно назвать и неуважительным словом «элементарное», и уважительным «конкретное». Быков, как и Трайнин, — за героя великих дел, за героев, которые «занимаются революцией, войной, миром, человеческой справедливостью». Но Быков понял важность той жизненной конкретности, вне которой герой перестает быть нужным людям.

Словом, Антей черпал силу свою в прикосновении к земле и так же советовать поступать всем героям. Это не должно быть символическим прикосновением к символической земле, а действительно сродством с действительной жизнью, в которой деньги счет любят, а люди спрашивают: «Почем пальто?», прежде чем говорят: «Заверните!»

Вот почему не стоит «быть» презрительно именовать «мелким существованием». И Шукшина незачем упрекать в «смещении понятий оптимизма, счастья, норм и целей нашей жизни».

Василий Шукшин напоминает нам об устойчивом и простом ядре нашей переменивой и сложной жизни, и в этом он прав, хотя иногда он делает это с той же грубоватой прямолинейностью, с какой его герой, например, сватает напарника-шофера за вдову. Но как героя оправдывает то самое главное, что эти двое людей действительно необходимы друг другу, так крайности и издержки сочинившего его автора перекрываются с лихвой тем, что учиняемое Шукшиным напоминание не только своевременно, но и талантливо.

...Впрочем, критики тоже правы, высказывая недовольство тем, что есть, мечтая о чем-то большем. Только бы сверялись эти мечты поточнее, поконкретнее с реальным временем! Для этого рекомендуется глядеть не на те часы, что встали еще при царе Горохе, а на те, что идут «в ногу» с жизнью: тик-так, тик-так!